

—

По указанию Цзинь И и по просьбе Чжаояня, Фу Мин заново обустроил его маленький дворик. Частично он следовал пожеланиям Чжаояня, частично — своему собственному эстетическому вкусу. В итоге оба остались довольны результатом.

Цзинь И принял работу перед тем, как идти учить Чжаояня, и довольно высоко оценил эту уютную комнатку, полную детской непосредственности, но при этом не загромождённую. Он велел Бай Лу выбрать несколько вещей и отправить их в Фан Мань Тин. На следующий день старая госпожа тоже прислала кое-что в подарок.

Наложница Ван, услышав об этом, тоже проявила себя как управляющая, приготовила благодарственный подарок и лично принесла его, но её отношение оставалось прежним. Фу Мин с улыбкой принял подарок, не слишком церемонясь, и равнодушно отпустил её.

Была поздняя весна — начало лета, и погода уже потеплела. Фу Мин, обмахивая веером жаровню, готовился вскипятить воду для чая. В гладкой, чистой вазе из белого фарфора на подставке стояли несколько веток пионов: ваза простая, а цветы роскошные. Долгое время взгляд Фу Мина простирался от его маленького дворика вдаль, словно он видел огромный мир, скрытый за высокими стенами.

Фу Мин велел Люй Фэй передать Бай Лу: если господин найдёт время, пусть придёт во двор Фан Мань Тин для беседы.

Фу Мин понимал правила и не собирался просить Цзинь И приходить к нему самому, но он считал, что в других местах могут находиться наложница Ван или Синьюэ, и его появление там будет неуместным. К тому же, Чжаоянь часто приходил к нему, и Цзинь И мог бы выбрать день, когда он возвращается домой пораньше, и забрать сына, заодно переговорив с ним.

Однако Цзинь И выбрал выходной день и пришёл во двор Фан Мань Тин до полудня.

Фу Мин ничего не предвидел и был во дворе, ухаживая за цветами и травами вместе со служанками, с высоко закатанными рукавами и руками, перепачканными землёй. Он поднялся, поднял голову и сказал: «Сусю, подай мне ту мотыгу».

Его рука протянулась прямо к Цзинь И.

Фу Мин был очень удивлён и смущён, но Цзинь И остался невозмутим и подал ему мотыгу. Фу Мин изо всех сил старался сохранить спокойствие, делая вид, что невозмутимо и неторопливо рыхлит землю мотыгой, даже поливает растение, а затем попросил Вань Лань привести себя в порядок, прежде чем вернуться в дом, чтобы встретиться с Цзинь И, которого Люй Фэй пригласила и который уже пил чай.

Фу Мин ещё не успел ничего сказать или сделать, как Цзинь И прямо спросил: «Что тебе нужно?»

Фу Мин мог лишь сделать простой поклон, сел рядом с ним и ответил: «Господин, вы только что видели, что я без дела провожу дни в этом поместье. Теперь, когда погода потеплела, я хотел бы выйти прогуляться».

Нынешняя династия отличалась широкими взглядами, и женщины могли выходить на улицу.

Если муж был не против, они могли иногда выезжать, чтобы посмотреть на пейзажи или пройтись по рынку. Фу Мин, будучи мужчиной, тем более не должен был быть заперт дома. Но он не хотел выходить без разрешения, чтобы не давать повода для пересудов.

Цзинь И ответил: «В дальнейшем такие вопросы достаточно просто поручить кому-нибудь задать», — подразумевая: «Не трать моё драгоценное время».

«Да», — ответил Фу Мин и добавил: «Если возможно, я надеюсь, что господин позволит мне выходить три раза в месяц».

Три раза — немного многовато, но Цзинь И сразу же кивнул в знак согласия. Фу Мин почувствовал лёгкую радость и с улыбкой поблагодарил его.

«Есть ли ещё что-то?»

На этот раз Фу Мин немного подумал, прежде чем ответить: «Хотя дети начинают учиться в пять лет, изучая иероглифы и книги, в последнее время я обнаружил, что Янь-эр обладает некоторым талантом, он более развит, чем обычные дети, поэтому я лично хотел бы иногда учить его читать и писать во время игр. Вы — отец ребёнка, и это решение за вами».

Цзинь И был довольно удивлён этим словам. Поразмыслив некоторое время, он сказал: «Официальным образованием будет заниматься семейный учитель. Если всё так, как ты говоришь, в будущем для Янь-эра будет выделено официальное учебное время. Если он придёт к тебе, можешь его учить, но только традиционным знаниям, а не фривольным стихам».

«Фривольные стихи?»

«Я слышал, что Фу Гунцзы хорошо поёт и пользуется большой известностью. Подобные фривольности в поместье Цзинь не поощряются. Фу Гунцзы, когда ты выйдешь на улицу, пожалуйста, будь более внимателен. Мне всё равно, что происходит снаружи, но если эти дела затронут поместье Цзинь, то всё будет не так просто».

Фу Мин на мгновение потерял дар речи. Он молчал, затем уголки его губ слегка изогнулись, но взгляд стал напряжённым, а тон холодным: «Я понял».

«Если больше ничего нет, я прощаюсь». — Цзинь И встал.

«Сегодня я побеспокоил вас. В будущем я буду более внимателен. Счастливого пути».

После ухода Цзинь И, стоящая рядом Люй Фэй про себя вздохнула: «Вы семья, даже если не быть ласковыми, нельзя же быть такими безразличными и вежливыми! Когда это закончится? Неужели Гунцзы будет так всю жизнь страдать и приспосабливаться?»

Слова Цзинь И, хоть и бросили камень в сердце Фу Мина, вызвав несколько кругов ряби, быстро успокоились. На следующий день он собрался и вышел из дома с молодым слугой из поместья Цзинь по имени Бай Хуа. Для такого знатного господина, как Фу Мин, выходить с одним слугой было довольно скромно, но у Фу Мина не было постоянного личного слуги, и он не хотел утруждать себя. Он чувствовал бы себя комфортнее в компании меньшего количества людей, поэтому он отправился в оживленное место, отчасти компенсируя это и отчасти радуясь.

Он давно не был на рынке, улицы были шумными и оживлёнными, как всегда, но Фу Мин почувствовал себя немного незнакомо. На этот раз он не пошёл в увеселительные заведения,

не искал антиквариат и не бродил по книжным лавкам. Даже переполненные игорные притоны и чайные поединки на улицах не заставили его остановиться. Он шёл по улицам и переулкам почти час.

Бай Хуа, глядя на всё ярче светящее солнце, вытер пот со лба и спросил: «Мин Гунцзы, может, мне нанять вам повозку?»

Фу Мин сказал: «Не нужно, я хочу подольше погулять на свежем воздухе. Если устанешь, найди чайную лавку, посиди там, попей чаю и подожди меня».

Бай Хуа поспешно покачал головой: «Куда вы идёте? Я всё равно пойду с вами».

«Скоро дойдём», — Фу Мин улыбнулся и указал на поворот впереди: «Там, под большим деревом».

Бай Хуа, следуя его указанию, посмотрел и удивлённо сказал: «Приют для сирот? Зачем вы сюда пришли?»

«Навестить старых друзей».

Бывший молодой господин Фу, а ныне супруг семьи Цзинь, пришёл в Приют для сирот навестить старых друзей? Бай Хуа недоумевал: «Это руководитель здесь?» Наверное, это какой-то мелкий чиновник, даже не чиновник.

На этот раз Фу Мин не ответил, лишь ускорил шаг. Бай Хуа поспешно последовал за ним.

Стражник у ворот, очевидно, узнал Фу Мина. Увидев его, он поспешно открыл дверь и с улыбкой поприветствовал: «Господин Фу, давно вас не было».

Фу Мин с улыбкой ответил: «Да, давно не виделись. Как дела в приюте?»

«Всё хорошо. Недавно было похолодание, несколько слабых детей заболели, но доктор Фан вылечил их несколькими дозами лекарства».

«Дядя Фан всё ещё здесь?»

«Уехал полмесяца назад. Сказал, что долго ждал вас и не дождался, и уехал, чтобы успеть на конец весны в Цзяннане».

Фу Мин, услышав это, немного сожалел, но на этот раз у него было более важное дело, поэтому он не стал долго беседовать, а сразу пошёл к руководителю приюта Сунь Цзанъюну.

Когда он пришёл, Сунь Цзанъюн проверял счета. Увидев Фу Мина, он поспешно отложил книги и вышел навстречу, громко смеясь: «Мин-эр! Сегодня наконец-то увидел тебя!»

«Дядя Сунь, извините, что так долго не навещал вас».

«Что значит извините? Дядя Сунь всё понимает, и я очень рад, что ты смог прийти».

«Я давно не был здесь и не знаю, чего не хватает детям, поэтому не стал самовольно что-либо покупать. Вот эти деньги, возьмите, пожалуйста, и купите им что-нибудь». Фу Мин протянул набитый мешочек с деньгами.

Сунь Цзанъюн не взял, лишь спросил: «Ты сейчас в поместье Цзинь, у тебя много денег?»

Фу Мин засмеялся: «В поместье Цзинь меня не обижают в травах, ежемесячное жалование даже больше, чем в поместье Фу. Так что, пожалуйста, примите это небольшое подношение для детей».

Сунь Цзанъюн, услышав это, взял мешочек с деньгами Фу Мина, посмотрел на вышивку и, смеясь, сказал: «Это, наверное, Вань Лань вышила, да? Такое изысканное мастерство, и вы не пожалели?»

«Она знала, что я сегодня приду, и специально вышила. Разве малышка Сянь-эр в приюте не любит такие вещи? Отдайте ей, пусть она попробует вышить то же самое».

«Сянь-эр повезло! Но вы сегодня не пойдёте лично посмотреть на детей?»

Фу Мин покачал головой, с лёгким извинением: «Это мой первый выход из поместья Цзинь, мне нужно купить кое-что и рано вернуться. В следующий раз, когда выйду, я обязательно приду снова».

«Верно. В следующий раз, когда придёте, я приготовлю вам чай».

«Дядя Сунь лично заварит чай, я так давно не наслаждался им, уже не терпится!»

«Тогда, Мин-эр, ты должен помнить об этом в первую очередь и возвращаться скорее. Дети так скучают по тебе!»

Фу Мин кивнул и, хоть и нехотя, но вынужден был попрощаться.

Они ушли быстро и тихо, и дети, учившиеся и игравшие на заднем дворе, ничего не заметили.

Бай Хуа, хотя и был полон вопросов, не осмелился задавать их. Зато Фу Мин первым делом предупредил его: «Вернувшись, не рассказывай никому о том, что я здесь был».

Бай Хуа кивнул в ответ.

На обратном пути Фу Мин ускорил шаг. Хотя он очень хотел задержаться среди оживлённых и процветающих улиц, он не стал этого делать. Он лишь закупился в нескольких определённых магазинах, почти потратив все свои накопленные месячные деньги, после чего велел Бай Хуа нанять повозку и поспешил обратно в поместье, догоняя заходящее солнце.

В этот день, после ужина, хозяева нескольких дворов получили подарки из двора Фан Мань Тин.

Старая госпожа получила круглый веер. Работа была довольно изящной, на шёлковой поверхности был изображён сюжет «Игра с внуками». Этот рисунок был выполнен известным современным художником и впервые был вышит на веере торговцем. Это была первая партия, и цена была довольно высокой. Цин Фэн передал Люй Фэй, что старой госпоже веер понравился, так что он стоил своих денег.

Цзинь И также получил веер, но это был складной веер. На нём не было рисунка, но была написана строка: «Один меч, мороз четырнадцати областей». Веер был куплен, бамбуковая основа и бумажная поверхность, но каждая бамбуковая пластина была ровной и гладкой, хорошо отшлифованной, а на бумажной поверхности был скрытый узор, который казался естественным рисунком бумаги, но сам по себе создавал атмосферу. Фу Мин, увидев его, сразу же полюбил. Он отказался от предложения продавца помочь с каллиграфией и сам взял кисть

и тушь, чем заслужил всеобщее восхищение.

Цзинь И, получив подарок, ничего не ответил. Позже, по сведениям, полученным от Вань Лань, с наступлением лета этот веер часто использовался господином, что, вероятно, означало, что он пришёлся ему по вкусу.

Чжаоянь получил статуэтку мохеле. Она была немного похожа на ту, что стояла на полке у Фу Мина, но была менее причудливой и более нежной и милой. Чжаоянь так полюбил её, что несколько ночей спал с ней в обнимку.

Даже Жэньлань получила подарок, доставленный Люй Фэй: коробку с маленькими глиняными фигурками. Все они были изображением кошек, разных цветов и в разных позах, все очень реалистичные и очаровательные.

Из-за этой коробки с маленькими кошками двор Фан Мань Тин принял второго гостя, помимо Чжаояня, который пришёл сам.

—

Примечание автора:

Сунь Цзанъюн, руководитель Приюта для сирот, вежливое имя Цзыцянь.

—

<http://bllate.org/book/12585/1118411>